

Несколько объяснительных слов от издателя

Помещение замечаний г-на Арцыбышева на Историю государства Российского составляло в Москве общий предмет разговора даже и не между литераторами. Журналист, хотя бы он лично и не принимал участия в таком деле, занимающем публику, должен сказать о нем свое мнение, и я предлагаю читателю еще несколько слов в дополнение к сказанному.

В объявлении о «М<осковском> Вестнике» на 1828-й год обещаны были публике замечания на Историю государства Российского. Я предполагал тогда помещать свои; * но после, получив надежду заниматься российской историей в Академии наук при г. Круге, знаменитом обширною своею ученостию по сей части, я решился удержать их, чтоб после представить в виде совершеннейшем. — Между тем мне должно было исполнить свое обещание перед публикою, и я обратился с просьбою к г. Арцыбышеву, которого многолетние труды и сведения известны всякому просвещенному любителю русской истории из разных статей, напечатанных им в журналах. — От него я имел честь получить напечатанные мною в № 19, 20, 21, 22, 23 и 24 как начало, за которым последует продолжение, еще нигде не напечатанное. — Тон рецензента мне не нравился, но я объяснял себе это явление не так, как большинство в нашей публике. Исследователь, смотрящий на историю преимущественно с критической точки, почти не может уже обращать равного внимания на другие ее свойства, и потому естественно должен говорить о ней иначе, нежели, например, светский человек, который ищет в ней только занимательного чтения, которому все равно, здесь ли должна стоять запятая в летописи или там, — в пятидесятом ли году случилось происшествие или в пятистом, — Иоанн ли был главным актером или Иоанникий. Безделица раздражает такого исследователя, и такое раздражение напечатлевается даже и против воли — в его замечания. И мало

---

* О влиянии норманнов на Россию, — взгляд на первый период российской истории — о сказках, которыми он обезображен, — об основании Российского государства сравнительно с другими европейскими государствами, — разбор первой главы Истории государства Российского, — о предисловии, — о древнем Новгороде и проч.

сколько посторонних обстоятельств могут иметь влияние на образ писания*.

По сему соображению я думал, что публика — противное ей в замечаниях г. Арцыбышева спокойно подведет хоть под категорию, что нет ничего на свете совершенного, а справедливое примет с благодарностью, — наконец, что сии замечания подадут повод к рассуждениям pro и contra, от которых наука необходимо должна выиграть, которыми хоть сколько-нибудь определится достоинство Истории Карамзина, в продолжение двенадцати лет неопределенное, к стыду современной русской литературы, несмотря на громкие, но порожные клики безусловных почитателей.

Я думал так, но на деле вышло не иначе: большинство голосов между читателями осудило меня за помещение. С одной стороны, для меня это было приятно, ибо я увидел, что есть еще у нас и литературные, ученые дела, в которых может принимать живое, собирательное участие холодная публика; с другой — напротив, и я в ответе моем на письмо представителя некоторых читателей, г-на Z., старался показать, с каких точек сам смотрю на Историю государства Российского и, следовательно, почему считаю за полезное помещать замечания г-на Арцыбышева и других. — Для меня как для журналиста казалось постыдным стоять за углом при рассуждениях о таком деле, и я хотел принимать и на себя удары, направленные на г-на Арцыбышева, кроме одного отношения, о котором объяснился предварительно. — Я очень чувствовал, что становлюсь в весьма невыгодное положение пред недобросовестными оппонентами, произнося несколько отрывочных мыслей, как бы мимоходом, о важном творении; но надеялся, что они, хоть вследствие моей оговорки**, не перетолкуют их в дурную сторону.

Кажется, было очевидно, что «не осмеливавшись доселе произнести полного суждения», я тем более не произнес бы одних результатов, «если бы не вынужден был обстоятельствами». Однако ж этого не поняли или не хотели понять***.

* В европейской литературе множество тому найдете вы примеров...
<...>

** В начале: «До сих пор не осмелился произвести полного своего суждения об И<стории> Г<осударства> Р<оссийского>, давая время зреть моим мыслям, стараясь обогащаться опытом» и проч. и в конце: «никак не решился бы я, если» и проч.

*** Не говорю уже о том, что мне и в голову не могли прийти злонамеренные обвинения в неуважении к Карамзину после того, как всегда упоминаемо в «М<осковском> В<естнике>» о сем знаменитом писателе.

Теперь поговорим о возражениях мне, слышных в публике.

«Карамзин, по его мнению, не критик, — говорят мои порицатели, — не философ, художник с исключением, — что же остается при нашем великом писателе?»

Милостивые государи! За недостатком места я отвечаю вам примерами: Ливий¹⁴ не только не критик, но даже сказочник часто, не только не философ, но даже без мысли о философии истории, без мысли о всяком другом народе, кроме своего, — а между тем, как художнику, ему поклоняется весь образованный мир. Следовательно, кроме критицизма, кроме философии, историк может иметь многие великие достоинства.

Великим художником без оговорки не назвала еще европейская критика ни одного историка. Все они имеют свои достоинства и свои недостатки. Один изображает превосходно характеры лиц, у другого виден дух народа, у третьего — происшествия, четвертый отличается расположением света и тени, и проч. и проч. — Великий художник-историк во всех отношениях явится между людьми, может быть, только накануне светопреставления. — Припомню здесь, что сказано было вообще об историках в 22 № «М<осковского> Вестника» прошлого года:

«Происшествие принимает форму в глазах ясновидящего историка, и представляется ему как произведение изящного искусства, уже в пространстве, а не во времени. Если он в своем сочинении передаст читателям сие ощущение, то по справедливости заслужит имя историка-художника. — Но всегда ли в такой истории отражается как в зеркале истинный образ происшествия, народа? Нет, — а между тем читатель всегда будет наслаждаться таким сочинением, точно так, как мы восхищаемся теперь портретами Вандиковыми¹⁵, не заботясь нимало о том, похожи ли они были на подлинников или нет. — До сих пор в историях едва ли не больше мы видим историков, нежели народы. По большей части они дают нам свои стекла, чрез которые мы должны смотреть на деяния, и редко сии стекла не изменяют цвета предметов».

Вот еще понятный пример в доказательство, что и оговорка моя не столько предосудительна, как думают некоторые читатели: Расин¹⁶ в Агамемнонах, Ахиллесах и Андромахах представил нам кавалеров и дам Людовика XIV, и между тем — другими своими достоинствами успел приобрести славу не только в своем народе, но и во всей образованной Европе.

Нужно ли пояснять мне еще некоторые места в своем ответе? Апофегмы в И<стории> Г<осударства> Р<оссийского> назвал я общими местами, — но Тацитовские мысли ныне называют

лишними в истории, как художественном произведении, в котором должны *говорить только события*. Прибавим, что ни один историк не избежал от сего упрека.

Наконец — вот до чего простираются кривые толкования: уравнительную степень меньший («как Философ», сказано было у меня, «Карамзин имеет меньшее достоинство») захотели иные производить от прилагательного *малый* (в этом отношении он, де, имеет малое, а в этом меньшее достоинство); между тем как в самом начале речи поставлено было пр<илагательное> *велик* (т. е. в этом отношении он велик, а в этом он имеет меньшее, т. е. не столь великое достоинство).

Еще ставят в вину рецензенту молодость. Помилуйте, господа, когда вы оставите в покое метрические книги при ваших критиках и антикритиках. — Вспомните по крайней мере хоть то, что по правилам педагогики, в детях стараются ныне развивать свой собственный образ суждения, детей отучают от попугайства. — Не излагают ли ученики публично на экзаменах свои мысли не только об одном каком-либо великом писателе, но об целых литературах, веках, народах, если только, разумеется, они занимались сими предметами? — Поправьте, осудите мнение рецензента, но основательными доказательствами, а не чересполосными противоречиями, не общими местами*, и он с благодарностию выслушает приговор себе, хоть бы и в самых язвительных выражениях, и от старика, и от мужа, и от юноши, и от младенца.

Письмо мое назвал некто «злоупотреблением склонения местоимения *я*». Признаюсь — я не хочу причисляться к категории *не я*, но впрочем готов говорить о себе даже в таких выражениях, в каких подписывались наши челобитчики во время оно, — если бы не почитал все сии формы слишком маловажными, не заслуживающими большого внимания; лучше бы оставить в покое первые, вторые и третьи лица, и рассуждать о деле.

«Помещением замечаний, — говорят иные, — вообще, ослабляется влияние Истории Карамзина на Россию, уменьшается желание читать ее в ленивцах, которые ищут только предлога к бездейственности» и проч. —

---

* «История Российская отличается от прочих европейских и азиатских историй тем, — говорят на вопрос мой, — что это история Российского государства, не другого какого-либо из государств европейских или азиатских». То есть Иван отличается от Федора тем, что Ивана зовут Иваном, а Федора Федором. — «Какую пользу, — спрашивают, — принесет науке девятая доля замечаний». — То есть: рубль — деньги, а гривна — нет.

Бог с ними, с сими ленивцами! Смело сказать можно с по-этом:

Не оживит их лиры глас¹⁷.

Неужели наука, неужели Карамзин потеряют что-нибудь, если какой-нибудь невежа перестанет читать его от того, что в журнале появятся замечания на Историю Г<осударства> Р<оссийского>. — И неужели для такого отчаянного невежи должно терять из виду и новое поколение, и других благонадежных читателей, которые хотят чтить достоинство достойным образом, умно, а не с голосу! О Карамзин! как мало уважают, как мало понимают тебя эти люди, принимающие на себя титул твоих защитников, — защитников, в которых ты, богатый своими заслугами отечеству, не имеешь никакой нужды*. — Наконец другие, которые ищут *midi à 14 heures*** , помещение замечаний, в отношении ко мне, приписывают какой-то особенной цели, почитают сие следствием заговора. — Нет, Милостивые Государи, мною руководствовала одна любовь к истине, которую могу доказать, как говорится у нас теперь по-варварски, фактами: так, переходя теперь под близкое, непосредственное начальство г. Круга, я никак не усомнился напечатать и оскорбительное замечание г-на А. на одну его догадку; так в рассуждении своем о происхождении Руси для получения степени Магистра словесных наук в Моск<овском> Университете, я именно опровергал мнение, принятое тем профессором, который мне задавал рассуждение; так недавно самому г. Эверсу посвятил я разбор во все неблагоприятные сочинения, в защиту его мнения написанного. — Я уверен, что могу ошибаться, и говорить несправедливое, по недостатку ли то сведений или по другой подобной причине, могу со временем переменить мнение, но никогда не напечатаю ничего против внутреннего убеждения. — Какой-то министр бился об заклад с одним француз-

---

* Один из них, желая доказать несправедливость моего суждения об И<стории> Г<осударства> Р<оссийского>, привел мнение, несравненно, думает он, благоприятнейшее, ученого Лелевеля, который в И<стории> Г<осударства> Р<оссийского> «видел совокупление воедино всех разнородных сказаний, выполненное с умом и осмотрительностью, драгоценный залог для будущих историков России; для настоящего же времени лучшее историческое сочинение о нашем отечестве». Вникнул ли оппонент в сии слова? Ведь все это можно сказать не только о Карамзине, но и о Стриттере, почти все о Татищеве и в некотором отношении о Щербатове.

** полдень в 14 часов (*фр.*).

ским королем, что в двух строках любого праведника найдет предлог, за чтоб можно бы было повесить его. — С подобною решимостью, чего, разумеется, не найдут в моем ответе, и прежнем, и нынешнем, но

Honni soit qui mal y pense*.

---

* Позор тому, кто дурно об этом подумает (*фр.*).